

3. Оккупация цеха

В новых условиях капитализма появилась новая форма борьбы за лучшие условия труда — оккупация цеха, чаще называемая сидячей забастовкой, когда рабочие прекращают работу, но не уходят с завода. Она была изобретена не теорией, она возникла спонтанно из практических нужд; теория может сделать не больше, чем впоследствии объяснить ее причины и последствия. В великом мировом кризисе 1930 года безработица была настолько всеобщей и продолжительной, что возник своего рода классовый антагонизм между привилегированным количеством занятых и безработными массами. Любая регулярная забастовка против снижения заработной платы была невозможна, так как цеха, покинутые забастовщиками, немедленно наводнялись массой людей на улице. Поэтому отказ от работы в худших условиях должен сочетаться с прилипанием к месту работы путем занятия цеха.

Возникнув, однако, в этих особых обстоятельствах, сидячая забастовка проявляет некоторые особенности, которые заставляют рассматривать ее более внимательно как выражение развитой формы борьбы. Это проявляется в формировании более прочного единства. При старой форме забастовки рабочее сообщество персонала растворяется при выходе из цеха. Рассеянные по улицам и домам между другими людьми, они были разделены на свободные личности. Для обсуждения и принятия решения они должны были собраться как одно тело в залах заседаний, на улицах и площадях. Как бы часто полиция и власти ни пытались помешать или даже запретить это, рабочие держались за свое право использовать их, осознавая, что они боролись законными средствами для достижения законных целей. Правомерность профсоюзной практики была в целом признана общественным мнением.

Однако, когда эта законность не признается, когда растущая власть крупного капитала над государственными властями оспаривает использование зала и площади для собраний, трудящиеся, если они будут бороться, должны отстаивать свои права путём их захвата. В Америке каждая крупная забастовка, как правило, сопровождалась непрерывной борьбой с полицией за использование улиц и площадей для собраний. Сидячая забастовка освобождает рабочих от этой необходимости, принимая право на собрание в нужном месте, в цехе. В то же время забастовка становится по-настоящему эффективной из-за невозможности забастовщиков уступить свои места.

Конечно, это влечет за собой новую жесткую борьбу. Капиталисты, как владельцы цеха, рассматривают захват забастовщиками как нарушение их прав собственности, и на этом юридическом аргументе они призывают полицию выгонять рабочих. Действительно, с точки зрения строгого юридического права занятие цеха вступает в противоречие с формальным правом. Точно так же, как забастовка противоречит формальному праву. И на самом деле работодатель регулярно обращался к этому формальному закону как к оружию в борьбе, клеймя бастующих нарушителями договора, тем самым давая ему право ставить новых работников на их место. Но вопреки этой юридической логике забастовки продолжались и

развивались как форма борьбы, потому что были необходимы.

Формальное право, действительно, представляет не внутреннюю реальность капитализма, а только его внешние формы, за которые цепляется средний класс и юридическое мнение. Капитализм в действительности — это не мир равных и договаривающихся индивидуумов, а мир борющихся классов. Когда власть рабочих была слишком мала, преобладало мнение среднего класса о формальном праве; забастовщики, как нарушители договора, становились и заменялись другими. Там же, где профсоюзная борьба заняла свое место, утвердилась новая, более правдивая юридическая концепция: забастовка — это не перерыв, не прекращение, а временное приостановление трудового договора, чтобы урегулировать спор об условиях труда. Юристы могут теоретически не принимать эту точку зрения, но общество принимает ее практически.

Точно так же занятие цехов утвердило себя в качестве метода борьбы, где это было необходимо и где рабочие могли отстаивать свои интересы. Капиталисты и адвокаты могут раскошелиться на нарушение прав собственности. Однако для рабочих это было действием, которое не нарушало права собственности, а лишь временно приостанавливало их действие. Оккупация магазина не является экспроприацией магазина. Это лишь кратковременная приостановка распоряжения капиталистом. После того, как конфликт был урегулирован, он, как и прежде, является хозяином и бесспорным владельцем.

И в то же время это нечто большее. В ней, как и в световой вспышке на горизонте, появляется проблеск будущего развития. Захватом цеха рабочие невольно показывают, что их борьба вступила в новую фазу. Здесь появляется их твердая взаимосвязь как цеховой организации, естественное единство, которое не растворяется в отдельных личностях. Здесь рабочие осознают свою интимную связь с цехом. Для них это не чужое здание, куда только по его приказу они приходят работать на него, пока он их не прогонит. Для них цех со своими машинами — это производительный аппарат, которым они управляют, орган, который только своим трудом превращается в живую часть общества. Для них нет ничего чуждого, они здесь дома, гораздо больше, чем юридические владельцы, акционеры, которые даже не знают его местонахождения. На фабрике рабочие осознают содержание своей жизни, своего производственного труда, своего трудообъединения как коллектива, превращающего его в живой организм, элемент совокупности общества. Здесь, в цеховом деле, возникает смутное ощущение, что они должны быть полными хозяевами производства, что они должны изгнать недостойных чужаков, властных капиталистов, которые злоупотребляют им, растрачивая богатства человечества и опустошая землю. И в тяжелой борьбе, которая будет необходима, цеха снова будут играть главную роль как единицы организации, общих действий, возможно, как опоры и оплоты, стержни силы и объекты борьбы. По сравнению с естественной связью рабочих и цехов, управление капиталом предстает как искусственное внешнее господство, мощное пока, но висящее в воздухе; в то время как растущее владение рабочих прочно укоренилось в земле. Таким образом, в оккупации цехов будущее пророчит свет в растущем сознании того, что цехи принадлежат рабочим, что вместе они составляют гармоничное единство, и что борьба за свободу будет вестись за цехи, в них и с их помощью.